

ТАХИРА МАФИ

ТАХИРА МАФИ

ИТАКДАЛИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М35

Tahereh Mafi
FURTHERMORE

*This edition is published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency.*

Перевод с английского Елены Фельдман
Литературный редактор Екатерина Колябина
Дизайн обложки Виктории Лебедевой

В оформлении обложки использованы иллюстрации Якопо Бруно

Книга ранее выходила под названием «Алиса в Итакдалии»

Мафи, Тахира.

М35 Итакдалия: [роман] / Тахира Мафи; пер. с англ.
Е. Фельдман. — Москва: Издательство АСТ, 2018. —
384 с. — (Изумрудный атлас).

ISBN 978-5-17-112587-5

Алиса — необычная девочка, которая живет городке Ференвуд, полном красок и магии, только сама она... бесцветная, тусклая. Алиса носит яркие юбки и огромные браслеты, обожает живые цветы и захватывающие приключения. Больше всего на свете она любит свою семью: маму, братьев и отца... который пропал без вести три года назад. И любовь Алисы к отцу так сильна, что она вместе с другом Оливером отправляется в незнакомую, опасную страну Итакдалию (где в последний раз видели ее отца). А там! Все вверх дном, и живые бумажные лисы, и правое — на самом деле левое... Именно в этом чарующем месте Алиса узнает, что такое магия приключений и дружбы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112587-5

© Tahereh Haddadi, 2016
© Е. Фельдман, перевод на русский
язык, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2018

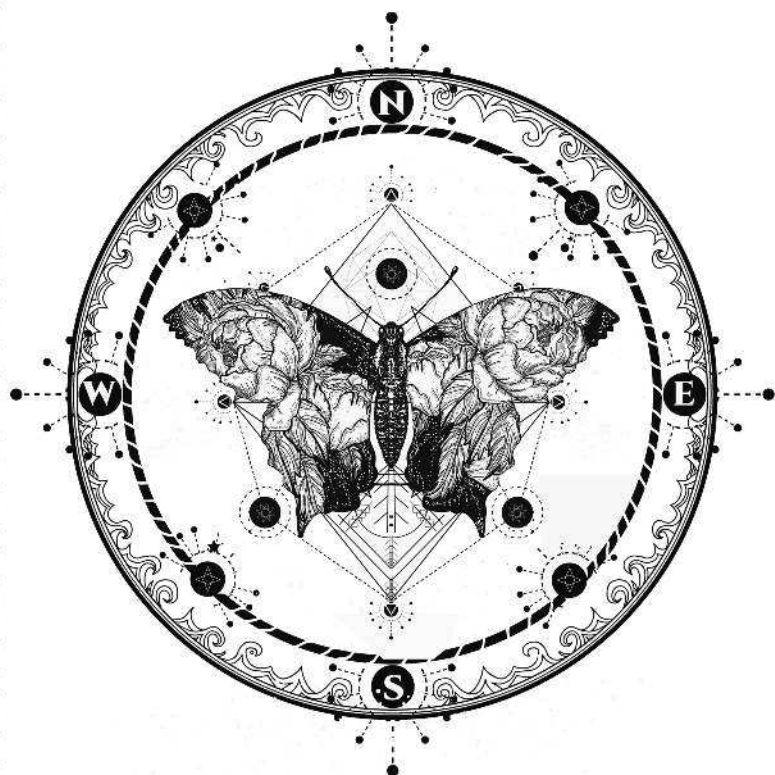
Однажды в городе Ференвуде родилась девочка.

Само по себе это событие было ничуть не примечательным.

Ее родителей переполняло счастье — как и полагается в таких случаях. Мать была рада разрешиться от бремени, а отец испытывал облегчение, что с таинством рождения жизни покончено. Однако вскоре они заметили, что их дочь, названная Алисой, совершенно лишена красок. Ее кожа и волосы были белыми, как молоко, а душа и сердце — мягкими, как шелк. Лишь глазам ее досталось по капельке цвета: радужкой они походили на светлый мед.

Что и говорить, Ференвуд не принял бы такого ребенка. Его основу составляли краски: их вспышки, переливы, мазки и радужные подтеки. Во всем мире не нашлось бы людей более ярких, чем жители этого города; сами они говорили, что созданы по подобию небесных светил. На их фоне маленькая Алиса казалась слишком тусклой — хоть она и знала, что это не так.

Однажды про девочку забыли.

Солнце лило как из ведра.

С неба падали мягкие теплые капли светливня, и каждая прожигала маленькую аккуратную дырочку в ледяном доспехе зимы. Конечно, та сопротивлялась до последнего — но к нынешнему моменту была уже порядочно изрешечена солнечным дождем, так что из-под нее проглядывала бархатистая подкладка весны. Мир готовился в очередной раз преобразиться. Жители Ференвуда обожали весну — как и следовало ожидать. Они вообще находили удовольствие в предсказуемых, закономерных переменах: таких, как превращение ночи в день или снега в дождь. Чего бы они не оценили, так это превращения ночи в кекс или дождя в шлепанцы. В таких переменах, сами понимаете, никакого смысла — а именно смысл был чертовски важен для этих серьезных людей, чья жизнь вращалась вокруг магии. Точно так же им было трудно увидеть смысл в Алисе.

Алиса была девочкой-подростком — сообразительной, подвижной и начиненной тысячей животрепещущих вопросов, как и подобает вся-

кой девочке-подростку. Однако у Алисы не было кое-чего очень важного, о чем мы скажем позже, и именно этот недостаток делал ее такой необычной и интересной.

В день, когда началась эта история, обычно бесшумные шестеренки бытия издавали неприлично много шума: ветер хлопал ставнями, потоки светливня колыхали занавески на окнах, свежестриженная трава щекотала босые ноги. В подобные дни Алисе отчаянно хотелось ввязаться в какое-нибудь приключение, но к почти двенадцати годам — а именно столько было нашей героине — она все еще не выяснила, как это сделать. До ежегодной церемонии Сдачи оставалась лишь пара дней, и Алиса, которая была твердо намерена победить, знала, что это ее единственный шанс отправиться навстречу чему-то новому.

Теперь она шагала домой, то и дело оглядываясь на сверкающий в отдалении городок. В честь грядущих празднеств главную площадь перевернули вверх дном, и теперь по холмам разносился грохот разнообразных инструкций и конструкций. Алиса прыгала по камням булыжной мостовой, подставляя лицо потокам светливня и пытаясь ухватить хоть щепотку его золота. Город был охвачен возбуждением; в воздухе висело предвкушение такое густое, что в него можно было вонзить зубы. Алиса улыбнулась, отчего ее щеки тут же заяблонились, и взглянула на небо. Свет замерцал и начал блекнуть. Тучи снова норовили сомкнуть над Ференвудом свои тяжелые тела.

Ничего, подумала Алиса. Еще один день, и все переменится.

Она не могла дожидаться.

Мостовая перешла в грязноватую главную дорогу, по обе стороны которой клубилась зелень. Встречаясь с соседями, Алиса теснее прижимала к себе корзину, кивала в знак приветствия, махала в знак прощания и молча радовалась, что не забыла сегодня ни одну из своих юбок. Мама очень о них беспокоилась.

Когда дорога опустела, Алиса вытащила из кармана тюльпан и торопливо откусила верхушку. Лепестки защекотали рот, а по языку заструился густой пурпурный цвет. Алиса закрыла глаза и облизнула губы, прежде чем вгрызться в стебель. О нет, не просто зеленый! Зеленейший — полный сока и самой атласной зелени. Этот цвет обладал собственной песней, и теперь она звучала внутри Алисы. Девочка нагнулась к обочине, чтобы погладить лохматую макушку травы, и прошептала: «Привет-привет! Вот мы и перезимовали».

Алиса была странной — даже для Ференвуда, где с небес временами лило солнце, все цвета сияли ярче обычного, а магия встречалась так же часто, как ворчливые родители. Странность Алисы проявлялась даже в мелочах — например, в том, как она возвращалась домой. Девочка просто не могла пройти по прямой линии из точки А в точку Б. Она то и дело останавливалась, сходила с дороги, набирала полную грудь воздуха и целую минуту не выпускала его обратно, жалея расставаться с таким сокровищем. Иногда она

принималась кружиться в такт неслышимой мелодии, пока юбки не вставляли колоколом, а улыбка становилась такой широкой, что немножко сползала с лица. Порой же она замирала на цыпочках — прямая и напряженная, как струна, — и лишь когда становилось совсем невозможно, наконец выдыхала то, что ей не принадлежало.

«Алиса у нас полевой цветок», — сказал однажды отец. Цветок в цветастых юбках, с кошой-колосом до колен. Алиса надеялась, что он прав. Может, мама ошиблась, и на самом деле Алисе не нужно быть таким сложным существом с целыми четырьмя конечностями? Порой она думала, как хорошо было бы укорениться в земле и на этот раз вырасти чем-нибудь получше — скажем, одуванчиком, дубом или грецким орехом, который никому не удастся расколоть. Но мама строго сказала (она часто говорила строго), что Алиса должна быть девочкой, поэтому одуванчика из нее не вышло.

Мама Алисе не очень нравилась. На взгляд девочки, она была чересчур старой и странной. Еще Алисе не нравилось, как мама переживает из-за стен и дверей — и денег, которые ее там удерживают. Но Алиса любила маму, насколько способны любить дети. Мама была теплой и мягкой и часто улыбалась, глядя на нее. Злилась и плакала — тоже, но это Алису не волновало.

Девочка крепче перехватила корзину и пустилась в пляс под слышную ей одной мелодию. Пальцы ног взбивали придорожную пыль, и на земле Алису удерживала только коса, слишком

тяжелая для ее головы. Звонкие браслеты так и гуляли от локтей до запястий, выводя собственную нехитрую песенку. Алиса закрыла глаза. Она знала этот танец наизусть; его движения жили у нее в костях, подталкивали изнутри руки и ноги и заставляли бедра вращаться с чувственностью, которой не смог бы научить и самый лучший учитель.

Это был ее главный талант, дар — и подарок Ференвуду. Ее шанс на великое будущее. Она оттачивала этот танец годами и знала, что ее усилия не пропадут впустую.

Знала, что...

— Эй, ты! Что ты делаешь?

Алиса вздрогнула. Кто-то запнулся и упал — но девочка не сразу сообразила, что это она сама. Юбки сбились в ком, браслеты испуганно приоткрылись, из воздуха испарилась последняя капля светливня. Алиса ужасно, кошмарно опаздывала. Мама будет вне себя.

— Эй! — позвал тот же голос. — Что ты..

Алиса подобрала юбки и принялась шарить в темноте в поисках корзины. Внутри глухо ворочалась паника. «Никогда не разговаривай с незнакомцами, — множество раз твердила ей мать. — Особенно с мужчинами. Если тебе страшно, не время думать о приличиях. Если тебе страшно, ты не обязана быть вежливой. Поняла?»

Алиса кивала.

Но сейчас мамы тут не было — и Алиса не знала, почему ей так отчаянно страшно. Зато точно знала, что не обязана быть вежливой.

Незнакомец подошел ближе. Теперь Алиса видела, что это не мужчина — скорее уж мальчик. Алисе очень хотелось рывкнуть, чтобы он проваливался, но благоразумный голосок у нее в голове нашептывал, что лучше молчать. Если тебя не слышно, то, может быть, и не видно. А вот если она закричит, то наверняка выдаст себя.

В итоге желание Алисы остаться незамеченной сбылось — но не совсем так, как она рассчитывала.

Солнце уже зашло, а луна все не торопилась прийти ему на смену. Вокруг густилась непроглядная тьма. Алисе никак не удавалось разглядеть или нащупать корзину.

Она волновалась все сильнее.

В одну секунду она поняла все о тревогах — и пообещала себе больше никогда не злиться на маму, которая не тревожилась, кажется, только во сне. Страх оказался очень неприятной штукой — а еще он будто засасывал в себя минуты. Теперь стало ясно, почему у мамы вечно не находится времени помыть посуду.

— Это случаем не твое?

Алиса резко выпрямилась — и почти уткнулась носом в чью-то грудь. В этой груди билось сердце. Алиса слышала шепот и стрекот крови, ее жаркое журчание и мелодичные переливы. «Не отвлекайся, — приказала она себе. — Мама разозлится».

Но...

Что это было за сердце!

Какая симфония звучала внутри этого мальчика!

Алиса судорожно вздохнула.

А затем он коснулся ее руки — и у нее не осталось другого выхода, кроме как его стукнуть. Браслеты воинственно зазвенели. Незнакомец отшатнулся от удара, Алиса закричала, вырвала у него корзину и опрометью кинулась домой — задыхаясь, почти не разбирая дороги и лишь в глубине души радуясь, что луна наконец-то решила осветить ее путь.

* * *

Разумеется, мама и слушать не стала ее оправданий. Честно говоря, она так разозлилась, что почти ударила дочь по руке. Она не дала Алисе ни малейшей возможности объяснить, почему ее юбки в грязи, корзина сломана (на самом деле совсем чуть-чуть), а в волосах полно травы. Вместо этого она сделала страшное лицо, указала дочери на ее место за столом и заявила, что, если Алиса еще хоть раз опоздает, она сошьет ей пальцы вместе.

Ну конечно.

Мама вечно чем-то угрожала дочери. От этого у нее улучшалось настроение, а вот Алиса начинала скучать. Обычно она пропускала все угрозы мимо ушей («Если ты немедленно не доешь свой завтрак, я превращу тебя в слона!» — пообещала ей мама однажды, и девочка даже воодушевилась), но как-то раз мама пригрозила превратить